

- Знаешь, мне нравится проводить с тобой время. Правда.

- Так и должно быть, я хорошая компания и красивая женщина.

- Мне двенадцать, но давай оставим это. Я хочу сказать, что раз мне нравится проводить время с тобой, Шизуне и Тонтоном, тебе не нужно меня тащить. Я не собираюсь убежать, - сказал Наруто, находясь под мышкой у Цунаде. Это было неловко, он же чунин, черт возьми.

Очнувшись от сна, он принял душ и переоделся в гражданскую одежду, полностью готовый закончить свой трактат о боевом применении и ограничениях Шуншин-но дзюцу (Техника телесного мерцания), он назвал его "Боевое применение и ограничения Шуншин-но дзюцу". Пока Цунаде не ворвалась и снова не похитила его. Шишоу просто смотрел и махал руками, улыбаясь все это время. Он бы надулся, если бы это не усугубляло веселье Цунаде и его стыд.

- Но тебе нужно, чтобы кто-то из старших родственников поставил тебя в неловкое положение, это обряд посвящения.

- О, радость.

- Тише, все не так плохо.

- Единственная причина, по которой люди не смеются надо мной, это то, что они думают, что ты ударишь их в небо.

- И я это сделаю, так что тебе не на что жаловаться, к тому же мы здесь. - Здесь был небольшой бар, очевидно, он собирался выпить свой ужин еще раз. Вскоре к ним присоединилась Шизуне, и они стали болтать в перерывах между выпивкой. Наруто мог сказать, что Цунаде что-то беспокоит, но не хотел портить ей настроение. После нескольких бутылок, она посмотрела на Наруто отрешенным взглядом и спросила то, чего он не ожидал.

- Почему ты больше не хочешь быть Хокаге? Разве это не против твоего ниндо - сдаваться?

Наруто замер на мгновение, искренне удивленный вопросом. Как и многие другие вещи в его жизни, когда он отпустил свою мечту, он просто занялся тренировками и работой, но он все еще ясно помнил тот день, когда перестал верить, что это возможно.

- Я не перестал хотеть этого, я просто перестал верить, что это достижимая мечта.

- Почему? - спросила Шизуне. Он выглядел грустным, поэтому ему было неприятно говорить об этом, но лучше выложить все начистоту.

- Когда вы, ребята, лечили меня, после того как я вернулся и дал отчет... Старик, конечно,

отказал мне в повышении. Но в его глазах был такой взгляд, умоляющий меня понять его, посочувствовать ему. Он обладал всей полнотой власти, но вел себя так, словно был жертвой этих огромных сил, неподвластных ему. В тот момент я возненавидел его, искренне возненавидел во всей его полноте. До этой встречи я все еще доверял Старику и испытывал к нему некоторую привязанность, хотя бы по старой доброй причине. Но он убил это. Все те разы, когда он говорил мне, что я заслужу признание, если буду достаточно усердно работать и покажу деревне свою ценность. Он не собирался позволить мне сделать это, и если он удерживал меня, то какая у меня была надежда убедить остальных этих малоумных засранцев?

- Но тот чунин, который был с тобой после Ишвара, он пришел в себя. - заметила Шизуне.

- Верно, но, Ничан, в Конохе тысячи шиноби. Как я смогу работать с достаточным их количеством, чтобы изменить мнение обо мне в массовом порядке? Числа просто не подходили, и кроме катастрофы или войны, чего я никогда не желал, я не видел другого пути, когда Хокаге активно работает против меня. Поэтому я посвятил себя совершенствованию своих навыков как шиноби, как в бою, так и вне его. У меня не было имени, понимаете? Насколько я знал, я не происходил из клана, так что не похоже, что у меня была какая-то ценная родословная.

Наруто остановился, чтобы усмехнуться.

- Все, что у меня было, это желание превзойти всех, но когда тебе показывают, что упорный труд не имеет значения, что остается? Стать каким-нибудь извергом вроде Данзо? Всегда замышляющим и интригующим в темноте? Это не про меня, вместо этого я решил, что стану самым сильным ниндзя в деревне.

Цунаде рассмеялась, это прозвучало так, как сказала бы Кушина, и было приятно получить напоминание о том, что, хотя он часто бывал серьезен, его дух не был сломлен.

- Почему ты спросила?

- Сэнсэй сказал мне, что ты раньше хотел стать Хокаге, мне просто интересно. Знаешь, я потеряла много людей из-за этой мечты. Так много, что я стала презирать эту должность. Иррационально? Возможно, но это так. Эгоистичная часть меня почувствовала облегчение, когда он сказал, что ты сдался, мне не пришлось бы терять тебя, но если ты действительно хочешь стать Хокаге, ты не должен позволять Сэнсэю быть причиной того, что ты больше не веришь, что это возможно. Он не будет Хокаге вечно, и из всех, кого он рассматривал, ни один не стал бы намеренно удерживать тебя.

- Наверное. Я просто давно об этом не думал.

- Думай или не думай. В конечном счете, это зависит от тебя, но не позволяй этому старому ублюдку быть причиной того, что ты не пытаешься. Не давай ему такой власти.

- Я подумаю об этом.

После этого настроение стало легче, и троица продолжила наслаждаться ночью. Незаметно для них в деревню вернулся Джирайя. Когда Сарутоби-сэнсэй сообщил ему, что Наруто будет стажироваться у Орочимару, он был в ярости от того, что Хирузен отдал Наруто в руки Орочимару на любой срок. Он ушел, чтобы собраться с мыслями, но вернулся, надеясь, что сможет убедить своего сенсея, что это ужасная идея. Хирузен пытался убедить Джирайю согласиться с этим, так как это был лучший вариант на данный момент. Никакие доводы не могли успокоить саннина, так как он боялся, что ее влияние отразится на его крестнике. Джирайя вышел из кабинета Хирузена, отчаянно нуждаясь в выпивке. Так получилось, что он выбрал то самое заведение, в котором находилась наша троица. Он сразу же подошел к ним, радуясь возможности провести время с Цунаде и Наруто, причем именно в таком порядке.

- Эй, что вы трое здесь делаете? - спросил он.

- Мы наслаждались собой, а что вы здесь делаете?

- Я только что вышел от сэнсэя и решил, что мне не помешает выпить на ночь. Наруто, я должен предупредить тебя...

- Не беспокойся. Сандайме уже предупредила, все относятся к ней так, будто она собирается съесть их детей. Может, она это заслужила, может, нет, но она была добра ко мне, за исключением поножовщины. - Он сказал последнюю часть тихо.

- Ты не знаешь ее так, как я, мы были в команде вместе много лет. Ты должен слушать меня, Наруто. У меня на уме только твои интересы.

- Это круто или как угодно, но я буду в порядке. Я предпочитаю судить о людях сам, и если что-то покажется мне неправильным, я разберусь.

- Ты не справишься. Это не какой-то второсортный мечник Кири, Наруто. Орочимару занимается этим дольше, чем ты жив. У нее могут быть планы внутри планов, и ты никогда не узнаешь об этом, пока не станет слишком поздно. Она извращенка, она всегда была такой. Просто отправляйся в путь со мной. Я обучил твоего отца, я точно смогу обучить и тебя. - Он проигнорировал насмешку Цунаде и ждал ответа Наруто.

- Я не сражаюсь как мой отец, из того небольшого, что я знаю, я совсем не похож на него. Я просто не думаю, что ты лучший сэнсэй для меня. В этом нет ничего личного.

- Ничего личного? Ты предпочитаешь, чтобы тебя учил этот больной монстр, а не твой собственный крестный отец, и это не личное?

- Ты мой крестный отец? - с искренним удивлением сказал Наруто, недоумевая, почему его

мама ничего не сказала.

- Да, и мне жаль, что меня не было рядом с тобой. Я не буду оправдываться, но дай мне шанс все исправить. Мы можем отправиться в путь, и я смогу показать тебе больше, чем когда-либо могла показать змея. - Джирайя сказал, и его старое чувство ревности вспыхнуло.

- Старик не отстраняет меня от команды, я не смогу продолжать проходить миссии с ними, если уйду, и он сказал, что это очень важно.

- Мы можем брать миссии, Наруто.

- Но я не буду со своей командой. Я должен быть синхронизирован с моей командой, поэтому я должен остаться здесь. Кроме того, Старик уже принял решение, и я согласился с ним. Я не возвращаюсь к своему слову.

- На этот раз - да. Ты не представляешь, какой опасности подвергаешься, и я не могу понять, почему Сарутоби-сэнсэй позволяет это. Конечно, он всегда был слишком мягок к своей любимой ученице, буквально спускал ей с рук убийство, но это слишком далеко. Просто собери свои вещи, мы уедем утром.

- Он уже сказал, что не уйдет, Джирайя.

- И это глупо. Я не позволю, чтобы она использовала его. Вы оба, кажется, забыли, какая она на самом деле - бессердечная предательница, которая ни о ком не заботится, потому что не может. Она - социопат с высоким уровнем функционирования и самая злобная сука, когда-либо украшавшая страны стихий.

Цунаде не знала, почему слова Джирайи так на нее повлияли. Она уже достаточно наслушалась этих бессодержательных разглагольствований, чтобы просто проигнорировать их, но в этот раз не смогла. Ему нужно объяснить некоторые вещи, и, возможно, он наконец-то заткнется.

- Наруто, ты не против, если я расскажу тебе одну историю? Она не длинная.

- У нас нет на это времени, Цунаде.

- Ты вторгся к нам, Джирайя, и я не просила тебя сейчас же заткнуться, - сказала она с ноткой в голосе, которая не осталась незамеченной.

- Конечно, - ответил Наруто.

- Жила-была маленькая девочка. Она рано потеряла родителей, и это оставило неизгладимый

шрам. Она также думала не так, как все остальные, мораль и социальные нормы, связанные с отклонениями, не имели для нее смысла. Но она также была гением, настолько, что привлекла внимание Хокаге, чтобы попасть в его команду гениев вместе с принцессой деревни и городским шутком. Хокаге считался великим и могущественным человеком, который был также невероятно мудрым. Он поверил в собственную мудрость, поэтому, когда он начал уделять гению больше внимания, чем другим членам команды, он смог оправдать это перед собой, но это было просто потому, что ее навыки и интересы больше всего совпадали с его собственными. Деревенская принцесса понимала, насколько это несправедливо, но в то время у нее еще была семья, которая могла поддержать ее обучение. Городской шут, однако, рассердился и обиделся. Он не хотел больше прослыть дураком и ненавидел находиться в тени гения и принцессы. Однако, как это часто бывает, когда маленькие мальчики злятся на сильных людей, они бросаются на более слабые цели, вместо того чтобы бросить вызов могущественному человеку. Шут начал насмехаться над внешностью гения, и каждый раз, когда тот чувствовал себя неуверенно, он наносил оскорбление. Шут не знал, что гений не только чувствителен к своей внешности, но и немного влюблен в шута и хочет, чтобы у него все получилось. Но после его постоянных оскорблений она стала презирать шута и насмехаться над ним. Шут всегда считал себя истинной пострадавшей стороной, и последующие действия гения только укрепили его в этом мнении. - Лицо Джирайи застыло в шоке от рассказов Цунаде, часть его души желала, чтобы это не было правдой.

- О, но в этой истории есть еще кое-что. Команда была отравлена. Гений ненавидел шута, шут ненавидел гения, и оба жаждали признания мудрого и могущественного старика. Команде удалось остаться вместе, сразиться во многих битвах и даже в войне. Тогда они были молоды, им едва исполнилось двадцать, когда они получили титулы, которые закрепили за ними звание самой легендарной команды ниндзя из когда-либо существовавших. Мудрый и сильный старик гордился своими учениками и их ростом. Каждый из них обладал выдающимися навыками в различных искусствах шиноби, но больше всего он обращал внимание на гения. Она выросла в необыкновенную красавицу, и когда она стала уважать и восхищаться мудрым и властным стариком, он понял, что желает ее так, как властный мужчина часто желает женщину. Между ними завязался роман, в котором мудрый и могущественный старик то притягивал ее к себе, то отталкивал. В конце концов, мудрый и могущественный старик решил, что ему нужно прекратить роман, а тот факт, что ему сообщили, что она была с его ребенком, можно списать на простое совпадение для легковверных из нас.

- Мужчина, опасаясь того, что скажут люди, попросил гения избавиться от ребенка, умоляя его, поскольку не хотел потерять свою настоящую семью. Обиженная, хотя она никогда не показывала этого, гений отправилась к принцессе, чтобы сделать именно это. Три месяца спустя она оказалась под опекой больного, извращенного и озлобленного калеки. Прошло совсем немного времени, и принцесса ушла, потеряв последнего из своего клана. Без ее поддержки и с ненавистью, которую она испытывала к мудрому и могущественному старику, бросившему ее, гений полностью предалась своему альтернативному мышлению. Она больше не чувствовала необходимости сдерживаться. Ничто не было неправильным, все было позволено, и больной, извращенный и горький калека любил и поощрял ее падение в безумие. Конец.